

ЖЁЛТЫЙ ПАРАШЮТ

МАРИЯ
ЧИННИНА

Мария Чинихина

Жёлтый парашют

Издательство

ПЛАНЖ

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч630

Оформление обложки Анастасия Иванова

Жёлтый парашют / Мария Чинихина — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2023. — 452 с.

Лера Осипова живёт музыкой Паркера Джонса, любит мужа, воспитывает сына и ищет себя. Муж Леры, Максим, пишет музыку, развивает свою рок-группу, и ищет финансирование. Паркер Джонсон собирает стадионы, совершает преступления и ищет вдохновение. Сына Леры тоже ищут. Все эти люди сталкиваются в Москве и находят друг друга. Роман «Жёлтый Парашют» Марии Чинихиной написан так же ажурно и волшебно как её прошлогодний дебют «Люди, которых нет», но в нём меньше возвышенного и больше повседневного. Этим «Жёлтый парашют» и прекрасен.

ISBN 978-5-6045678-7-6

© Мария Чинихина, 2024
© Издательство «ПЛАНЖ», 2024

Часть 1

Жёлтый парашют

Из актового зала доносились приглушённые звуки электрогитары и теряющиеся в этом неясном потоке музыки барабанные дробы. Лера поднималась по ступенькам и шла на певучий голос мужа как заморожённая. О чём пел Максим, какой смысл вкладывал в текст, долетавший пока в виде отдалённого эха и не различимых на слух отголосков, разобрать не получалось.

На верхней площадке Лера вдруг остановилась. Она увидела свой чёрный шарфик из шифоновой ткани, с приметной, растрепавшейся за годы вышивкой «**LERA**». Шарфом, давним подарком Максима, кто-то завязал глаза... мраморному бюсту. Одним движением, резко и без раздумий, Лера сорвала повязку. Картонная коробка с недавно испечённым тёплым яблочным пирогом выскользнула из пальцев и шмякнулась на пол. В этот момент Лере было не до пирога. Она замерла возле бюста, не в силах отвести от него взгляд.

Эти волосы, немного кучерявые, эти накачанные, мускулистые плечи, эти губы, вытянутые трубочкой. Нос — с такой изумительной, волнующей воображение горбинкой. Эту горбинку замечали на фотографиях кумира абсолютно все, горбинке поклонялись и мечтали о такой же, потому что он имел её, родился с ней. Паркер Джонс, или несравненный Пак. Рок-звезда. Мировая знаменитость.

«*Parker Johns, май 2008*», — значилось на самодельной табличке, приклеенной скотчем к подставке бюста.

Под пристальным взглядом мраморного Пака Лера подобрала измявшуюся коробку с пирогом. В коридоре,

ведущем к актовому залу, звуки репетиции уже не были приглушёнными. Электрогитара то раскатывалась в рёве и стонала, то заливалась в триолях и жалила, как будто иголкой. И голос Максима не казался отдалённым эхом. Чёткие отрывистые слова постепенно, от куплета к куплету, обретали смысл. На припеве Максим крутанул ручку регулятора резко вниз, а следом прибавил побольше тона, и исходящий от его гитары звук обрёл сочность и теплоту. Это была новая песня, обращение к сыну Павлику, такому талантливому, уязвимому, любимому.

У стены, где висели все значимые альбомы, когда-то записанные в студии при ДК, Лера вдруг поняла, что идти дальше она не в силах. Позади, там, где лестница, — глаза. Не карие, как на фотографиях Пака, не белые мраморные. Призрачные.

Призрак Паркера Джонса мерещился Лере повсюду. Когда она возвращалась домой в плотной завесе темноты, невидимая тень скользила по стенам кирпичных домов. Тень не пугала её и не преследовала. Скорее хотела убедиться, что Лера благополучно вошла в подъезд, поднялась на лифте на седьмой этаж и сунула ключ в замочную скважину. Если Леру пытался кто-то обидеть, невидимый защитник тихо возникал за спиной. Призрачный Паркер Джонс подбадривал, когда ей было трудно. Вот и сейчас мраморный бюст пытался сказать: «Всё хорошо».

Всё яснее звучала песня Максима, от которой вот-вот и потекут самые настоящие слёзы. Лера вздохнула, расправила плечи и решительно вошла в актальный зал, где ничто не изменилось с прошлого четверга. Пластиковое окно

распахнуто настезь. Пыльная лепнина тянется по неровно выкрашенным стенам. Хрустальные люстры под потолком, в которых не горит ни одна лампочка, поблёскивают, словно кучи льда.

На репетициях Лера обычно занимала крайнее кресло в первом ряду, но сегодня присесть не решилась. Кто-то из зрителей порезал дерматиновую обивку, и на сиденье зияла огромная дыра.

Он... Задел своей песней. Теперь мешает сосредоточиться и думать. Пришла с великолепной новостью, а он всё испортил.

Он. Максим. Высокий, худой, с тремя яркими прыщиками на чётко очерченном подбородке. Как будто ослеп у своей микрофонной стойки и глаза открывать не желал, не хотел замечать её, Леру.

— Чёрт! — выругался он внезапно. Его коричневый ботинок запутался в мотке проводов, и он с трудом освободился, стряхнув пыльные петли.

Лера пошатала откидное сиденье, чтобы скрипом привлечь к себе внимание. И хлопнула в ладоши. Из мятой коробки с пирогом шёл чудесный запах ванили. Но Максим, как будто Леры и не было вовсе, ушёл подальше от микрофонной стойки. Яркий луч софита ударил ему в лицо. Глаз Максим так и не открыл.

А вот и Славик, лучший друг Максима. Он извлекал из старенькой электрогитары вариации только что прозвучавшей темы и смотрел в пустой зал, будто бы он весь был забит публикой. Настоящий цвет его глаз определить невозможно, но Лера помнила, что глаза у Славика краси-

вые, а когда он говорит о чём-то с воодушевлением — ещё и очень выразительные. Вот Славик понимает влечение Леры к Паку и к его музыке.

— О, Лерка, привет! — Славик наконец заметил Леру, а нос его учуял запах пирога.

Едва Славик произнёс имя жены, Максим вздрогнул, открыл глаза и сделал рукой короткую отмашку. Первой утихла барабанная дробь, после замолк глухой бас, умер сочный звук электрогитары. Потом он увидел Лерку. Она стояла у первого ряда зрительских кресел, показывая всем свою кривую коробку. Через плечо у Леры тряпичная сумка, а из неё торчит свернутый в трубочку глянцевоый журнал. Пришла в своём лучшем цветастом платье. Стоит и смотрит на него как-то странно. Обиженно и скривив губы.

— Лерка, добрый тебе денёк! — снова поздоровался Славик, явившийся сегодня на репетицию в чёрной кепке с козырьком, как у соло-гитариста Пака.

Везде этот Пак! Максим без дрожи не мог думать об этом человеке. Даже на гитару Славик наклеил эмблему в виде трилистника, как у «VictoryGA» в текущем туре. И в глаза линзы вставил, лишь бы они имели желтоватый, как у Пака, цвет.

— О, яблочками и корицей пахнет! — Славик забрал у Леры коробку и поспешно открыл. Барабанщик потёр пухлые ладони в предвкушении сладкой паузы, а басист взял с подоконника бутылку с водой и начал жадно глотать.

Лера молчала и всё так же смотрела на него, Максима. А Славик резал расквашенный пирог на мятые ломти.

— Видела бюст? Папаня купил в Лондоне, — похвастался он. — Мрамор. Истину говорю.

Лера кивнула.

— Узнала? — Максим поставил гитару в стойку. — Я ж глаза Паку завязал.

— И что? — спросила Лера.

— А ничего. Зачем пожаловала? Ты же по четвергам забегаешь. Мы не пишемся сегодня, только репетируем...

— Знаю, — Лера вынула из сумки журнал и зачитала набранное крупным шрифтом: — Паркер Джонс приедет в сентябре в Москву.

— Серьёзно?

Максим подошёл к Лере и открыл отмеченную загнутым уголком страницы статью. Пробежал взглядом по строчкам.

— Всё верно, фанатки дождались звёздного появления и теперь по всей стране массово ликуют. В России этого короля всё ещё почитают? Жаль...

Журнал полетел из рук Максима в пустую корзину для бумаг. Но Лера среагировала быстро, вытащила журнал и разгладила нужные страницы.

— Я иду на этот концерт. Билеты поступят в продажу после полудня.

— Нет, — Максим покачал головой. — Я против.

Лера смотрела на него в упор.

— Да пойми, это пошло! — воскликнул Максим и снова взял гитару, лишь бы занять руки и не стоять под осуждающим Леркиным взглядом по стойке «смирно».

Барабанщик тем временем дожевал, припрятал второй кусочек пирога и пригладил ладонью длинные светлые

волосы. Славик подал Лере стул, чтобы она могла сидеть на сцене, мучить и слепить, подобно софиту с балкона. Максим прикрыл глаза рукой и отвернулся к окну. Нет, не помогало. Лера сверлила дырку в его затылке и молча требовала объяснений. Да, он врал ей десять лет! Они оба врали друг другу всё время, пока жили вместе.

— Я пойду на Пака, — медленно проговорила Лера. — И Маринка тоже пойдёт.

— Глупо, — возмутился Максим. — Ваш обожаемый Пак — пустота, иллюзия! Зачем он вам сейчас? Варшавского концерта было недостаточно?

— Я всё равно пойду, — продолжала твердить Лера.

— Фонограмму послушать? — усмехнулся Максим.

Он мельком заглянул в коробку с остатками пирога. Там его дожидался кривой увесистый ломоть, измазанный сахарной пудрой. О том, чтобы набить живот сладким, даже думать не хотелось. Приторный пирог и приторный Пак вызывали дурноту.

— Ваш Пак только фанатов дразнить обожает, — произнёс он с сарказмом. — Вы рты разинете, ждёте у отеля, а Паку и дела до вас нет. Его музыка — пресная, ванильная, сахарная, под такую только шарики запускать и блёстки разбрасывать на радость полному стадиону идиотов.

— Макс, перестань. — Лера с трудом подбирала слова. — Пак, в отличие от многих других, умеет петь.

Если бы не новая песня Максима о сыне Павлике, она бы соображала быстрее, и не пришлось бы безмолвно просить поддержку у Славика. Славик заметил, что губы Леры

стали сухими, и протянул пластиковую бутылку с водой. Уже без крышки. Лера стала пить. Вода освежала, возвращала уверенность и бодрый настрой.

— Голос Пака не обработан электронными программами, — уже чётче сказала Лера. — Пак держит ноту, опекает, растягивает.

— Похвали звукорежиссёра, — Максим сел на усилитель и вытянул длинные ноги. Кто-то пролил воду на грубое дерево пола, подошвы попали в лужу. — Немного умения, и курица запоёт и полушёпотом, и с придыханием.

— Макс, ну хватит уже, — возмутился Славик. — Пак действительно умеет петь, и об этом известно всем.

— Умел, — хмыкнул Максим. — Лер, а детей с кем оставишь? Кто будет сидеть с Павликом и Кристиной?

— Мама.

— Мам-а-а-а... — протянул Максим. — У мамы твоей ток-шоу с восемнадцати до двадцати. Попробуй, заставь выключить телевизор.

— Она не откажет.

— Ребята! — Славик встал между Лерой и Максимом. — Лично я на концерт пойду. Если дело в деньгах, папаня оплатит. А давайте пойдём всей компанией. Я ещё друзей приведу. Это же праздник, Макс!

— Дело не в деньгах, Слава, — ответил Максим и отвернулся.

Нет, Паркер Джонс никогда не перестанет беспокоить. Никогда. На плече Максима татуировка с названием любимой песни «VictoryGA», и буквы никак не свести. Мастер

тату недавно вынес вердикт. Теперь вот всю жизнь смотреть на вычурный шрифт: и в ванной, и в спальне, где висит широченное зеркало... От Пака не спрятаться. Теперь даже вагоны метро запестрят яркими афишами. А дома Лера без конца будет крутить свой обруч под ритмичные мелодии «VictoryGA».

Сполна хватает, что присутствие Пака без конца проявляется в их собственных мотивах. Призрачные ноты, гармонии и ритмы, неосознанно перетянутые из ранних альбомов.

Нет, это отец Славика предложил играть в стиле Пака. Чиф, как называет его вся группа, спонсор, менеджер, первым уловил в мелодиях Максима трезвучия, как у Пака, и моментально принял решение:

— Стоп! Играем так и только так...

Теперь Максима будто бы душили, заставляя петь чужим голосом. Он не особо и противился. Нужно было зарабатывать на семью. Он терпел, когда тёща сидела перед телевизором и упрекала, что зятя-музыканта на телевидение не зовут. Не сопротивлялся, когда Лерка сравнивала его внешность с внешностью Пака, измеряла сантиметром не только толщину и длину носа, но и искала у него, Максима, горбинку, такую же, как у Пака.

Положит на подушку журнал с фотографией Пака, повернёт голову Максима в профиль и сравнивает.

И в спальне до сегодняшнего утра висели постеры Пака. Максим не выдержал. Содрал их все до одного. Потом пришёл на репетицию, а в ДК вдруг бюст появился. Хорошо, шарфик лежал в чехле для гитары.

— Макс! Макс! Ау! Макс!

Голос Славика вытащил Максима из задумчивости. Пак остался там, по ту сторону воображения, мёртвый, живой, недоступный. Всё чаще он проскальзывал в их с Лерой жизнь и внезапным своим появлением пугал.

Обычно это случалось ночью. Максимум казалось, что лицо Пака маской прирастает к его собственному лицу, и Лера видит не густые брови и длинный нос мужа, а хрустальные глаза с дьявольским огоньком в чёрных зрачках. После лицо отслаивалось. Лицо смеялось, лицо плавало по комнате, лицо приказывало разбить стену реальности и следовать за ним...

— Нет!

— Что «нет»? — возмутился Славик. — Решено. Идут все. Я беру билеты. Пятнадцать штук. Компания у нас большая.

Максим вздохнул. Лера сидела рядом со Славиком и взволнованно наблюдала, как его соло-гитарист разбирается с сайтом, куда вот-вот организаторы концерта «VictoryGA» выкинут билеты. Как он там регистрируется и ругается, если палец вдруг попадает не на ту кнопку.

— У меня Марина, Иришка и Светка, — Лера поочередно загибала пальцы. — Нет, постой, Маринке два купи. У неё парень вроде есть теперь.

— Замётано! — Славик и Лера ударились ладонями.

Поникший Максим слез с усилителя и сел на холодный пол. Чего-то не хватало. Понять бы, чего? Голова распухла. Для пения не оставалось сил. Посторонние мысли мешали.

— Я с вами, — вдруг сказал Максим и увидел, что в глазах Леры заблестел благодарный огонёк.

— Круто же было в Варшаве? — напомнил Славик. — В тот год ездили ты и я из нашей группы. Теперь мы вместе. Команда. Говорят, Пак звучит в новом туре нереально.

— Скорее, гитара Пака, — поправил Славика Максим.

— Нет, Пак... Он!!! Если бы не его руки, голова, умение сделать сначала так, а потом так...

— Вы...

— Да брось, Макс, — Славик оставил возню с телефоном и торжественно приклеил к своей гитаре вторую эмблему «VictoryGA», взятую из журнала Леры. — Сам же пытаешься играть в стиле Пака. Так ведь?

— А вот и нет. Я хочу быть собой... Рискнул и отправил наши записи в Лондон. На днях ответ должен прийти.

— Ага. Долго будешь ждать, дружище... Бритам ты даром не сдался. У них свои Паки кругом.

Максиму захотелось крикнуть: «Замолчи!» Но он боялся потерять группу. Верных и преданных друзей. Как и Леру, её он тоже потерять не мог.

— Пак говорит, что обожает Россию, — прочитал Славик. — Пак хочет понять, чем мы живём и что нам интересно.

— Врёт он всё, — перебил друга Максим.

— Написано так.

— Покажи.

Максим пробежал взглядом по странице.

— Говорит, у россиян отличный музыкальный вкус, а сам даже не смог толком перечислить артистов, у которых много поклонников.

Максим хотел читать дальше, но увидел фотографию. Пак стоял на крыльце своего особняка в смокинге, бабочке и босиком.

— Да-а-а, — протянул Максим. — Гусь лапчатый.

— Сам ты гусь, — обиделся Славик.

— Время, Славик, — вмешалась в разговор Лера и постучала пальцем по своему запястью.

— Точно, — Славик подключился к интернету и перешёл по ссылке на нужный сайт.

А Максим стал ходить из угла в угол. Изредка он поглядывал на гитару в стойке, на допотопный комбик-усилитель. Нужно репетировать, искать звук для песни, а при Лере, когда она или смотрит с укором, или думает о концерте несравненного Пака, и не заставишь инструмент звучать как нужно.

— Здесь, Славик. Жёлтая кнопочка и F5.

— Да вижу я. Вот... — Славик удерживал курсор на кнопке «добавить», чтобы сразу, на первых секундах, обновить страницу и отложить в корзину нужные билеты. — Есть! — Славик поднял указательный палец.

Лицо Леры просветлело. Но она не встала, не подошла к нему, своему мужу. Максим в эту минуту как будто перестал для неё существовать. В мыслях Леры был только Пак и его горбинка. И Максим ещё больше обозлился на своего звёздного соперника.

— Десять минут первого. A sold out не предвидится, — с презрением сказал он.

— Да подожди, Макс. Не все проснулись. Сбился из-за тебя! Так, сорок два семьдесят шесть... — Славик вводил

данные банковской карточки, а Лера с воодушевлением за ним наблюдала.

— Ну-ну... — Максим ушёл к окну.

Когда он покупал билеты на варшавский концерт «VictoryGA», ему пришлось соревноваться в ловкости и скорости с многочисленными конкурентами. Он и Лере ничего не говорил, пока на почту не пришли e-tickets.

Как же кружилась она по залитой солнечным светом спальне, когда узнала о поездке. И поцеловала его, горячо и страстно, и бросила свой обруч на коврик, и взяла за руки и закружила вместе с собой. Лера уже мысленно была в Варшаве, она никогда не видела старый город, но смогла представить его. Она воодушевлённо описывала башню с чёрной полукруглой крышей, навесной мост через реку и тот самый стадион, где должен был состояться концерт «VictoryGA». Пак со своими портретами ещё не поселился в их квартире, не было его и в ДК. Славик не привёл на репетицию отца, и группа играла только свою музыку.

II

В то ранее утро Максим мчался за Лерой по набережной Вислы. Лучшая Лерина подруга Марина, такая же фанатка Паркера Джонса, и её спутник, долговязый чел в шапке с лисьими ушами, остались где-то позади. Впереди виднелся мост, а сразу за ним, на противоположном берегу, эллипсоидный, похожий на корону, стадион. Вчера, когда стемнело, он весь переливался в золотых огнях, сегодня

едва прочерчивался в ранней заре, казался расплывчатым. Вчера венчавшие стадион гигантские металлические иглы подсвечивались по кругу и в небе мерцал радужный отблеск, сегодня холодный металл едва поблёскивал и выглядел жёстко, угрожающе. Вчера Лера грезила наяву, представляя, как будет вручать Паку своё письмо. Сегодня она, вся сосредоточенная на главной цели быть первой в очереди, не проронила ни слова с тех пор, как они вышли из отеля и спустились по узкой лестнице на совершенно безлюдную набережную. Максим как мог поспевал за Лерой, но иногда он останавливался, унимая резкую боль под рёбрами от быстрого бега.

Жену Максим нагнал у металлической решётки, ограждавшей входной павильон. Через минуту, запыхавшись, подвалили Маринка и её бойфренд. Поддерживая друг друга, они поплелись к белому шатру.

— Пятый, шестой, седьмой и восьмой, — распорядитель мест в очереди, крупный качок с лицом старшеклассника, нарисовал маркером чёрные цифры на тыльной стороне их дрожащих ладоней.

Лера вытащила из рюкзака туго свёрнутый плед и бросила его прямо на асфальт вблизи шатра. Максим неохотно повалился наземь.

— Теперь что? — спросил он.

— Ждать, — Лера, усевшись рядом, зевнула. — Двери в пять вечера откроют.

— Зачем же мы пришли так рано?

— Макс, ты видишь, сколько народу? Если бы не мои ноги, были бы вы с Маринкой в хвосте.

— Лерочка, ты лучшая, это так мило... — пробормотала Маринка и выхватила у своего бойфренда бутылку с питьевой водой.

Со всех сторон к белому шатру стягивались поклонники Паркера Джонса. Кто-то в драных джинсах и мешковатых куртках с портретом кумира, кто-то в строгих отглаженных брюках, в футболках и стильных панамах. Кто-то с пирсингом в ноздрях и в чёрной коже с ног до головы. Совсем молоденькие девчонки с шариками и хлопушками припёрлись к стадиону в розоватых накидках из перьев. Выглядели они довольно комично.

Все фанаты толпились у входа в шатёр, галдели на польском и на немецком, толкались, лупили друг друга, пинали, выясняя, кто пришёл первым. Глядя на них, Максим подумал, что это беженцы, штурмующие вокзал.

Двое парней, судя по их произношению, соотечественники Паркера Джонса, бесцеремонно пробрались к шатру. Один был высоким и худощавым, другой — приземистым и полным. У высокого было вытянутое длинное лицо, невыразительный скошенный подбородок и светло-зелёные, близко посаженные глаза. У полного — светлые брови, высокий лоб и очень маленький рот с тонкими губами. Оба были одеты в мешковатые штаны и толстовки.

— Самый ранний вход, пожалуйста, — потребовал высокий и высокомерно посмотрел на распорядителя в шатре.

— Сожалею, ваши номера — двести и двести один, — распорядитель взял со стола маркер, но начертить числа на руках фанатов не успел. В татуированном кулаке приземистого блеснуло что-то острое. Усмешка на детском

лице качка сменилась ужасом. Он, должно быть, вызвал подмогу. Неподдалёку раздался вой сирены, а дежурившие у входного павильона охранники сорвались с места. Схватили и высокого, и приземистого. Крепко удерживая обоих, потащили куда-то.

Максим заметил, что Леру происшествие нисколько не впечатлило. Она без конца ощупывала задний карман и проверяла в нём наличие письма для Пака. Сочиняла полночи, затем перевела на английский со словарём.

— Лерочка! Да глянь же! — крикнула Маринка. — Бри-тишей повязали!

— Марин, отстань! — отмахнулась Лера и вытащила из кармана письмо. На конверте были нарисованы голубые слёзки и алые сердечки. Гелиевой ручкой Лера разборчиво вывела слово **«dream»** и погладила рукой место склейки.

Максим зевнул, закрыл глаза и задремал, свесив руки между колен. Очнулся ближе к полудню. Голова гудела. Во рту пересохло. Он поглядел по сторонам и понял, что Леры нет рядом. И на месте, где она сидела, лежал сложенный вдвое чёрный шарф с вышивкой **«LERA»**.

— Марин, — Максим дотронулся до Маринкиного плеча. — Лерка где?

Марина, видимо, не услышала его.

— Аккуратнее воду пить не пробовал? — нападала она на своего спутника, показывая ему мокрую руку с размытой чёрной кляксой. — Как теперь докажешь, что у меня седьмой номер? Как?

— Ну Марин... Марин... — ныл спутник.

— Что Марин? Иди маркер мне ищи.

— Да где ж я найду?

— Где хочешь!

— Марин, где Лерка? — повторил свой вопрос Максим.

— Там! — Марина тыкнула пальцем в сторону коричневой будки, куда ранее увели драчунов.

Максим обернулся. У входного павильона царило оживление. В толпе, среди девчонок, напивавших на металлическую сетку, Леры не оказалось. Она стояла чуть поодаль. Прижимала обе ладони к груди и смотрела туда, откуда вот-вот должен был появиться кортеж Пака. Пока в поле зрения были панельные пятиэтажки, трамвай с номером «семь», выпустивший из салона очередных фанатов, и развязка у моста.

Вдруг вдали появился чёрный лимузин. Спустился с моста и проскользнул вдоль ряда зелёных кустов. Фанаты, идущие от остановки, увидели машину и побежали к ней. А Лера застыла на месте и только мешала бегущим.

— Пак! Пак! Пак! — закричали девчонки у ворот.

Но лимузин катился гладко и притормозил только перед железной решёткой забора. В стекле дверцы с пассажирской стороны промелькнуло усталое лицо Пака. Кумир приподнял ладонь и мгновенно растворился в глубине кожаного салона.

Ворота со скрипом разъехались. В воздухе что-то хлопнуло, и на головы девчонок, захлёбывающихся в обожании и страсти, горстями посыпались бумажные звёздочки. Лимузин Пака тронулся с места. Самые ловкие, самые смелые бросились следом. Девушка в джинсах и белой куртке споткнулась и растянулась прямо перед воротами, но никому дела до неё не было.

— Лерка! Затопчут! — испугался Максим, вспомнив, что его жена одета так же.

За оградой охранники обгоняли лимузин и вылавливали из-под его колёс обезумевших фанаток. Максим оглянулся туда, где только что стояла Лера, и с облегчением выдохнул. Слава Богу, у неё хватило ума не кинуться к воротам, не броситься под колёса, не прилипнуть на окно лимузина, за которым скрывался кумир.

Лера вернулась к пледу со слезами на глазах, присела на шарф и обняла свою тряпичную сумку.

— Ну вот. Фанатка, называется. Ничего не могу. Те девчонки побежали, а у меня ноги будто к земле приросли!

— Успокойся, скоро увидишь своего Пака, — ласково сказал Максим.

Но Лера отстранилась и не позволила себя обнять.

Запускать начали ровно в семнадцать часов, как указано в билете. Служитель стадиона в ярко-салатовой форме отодвинул ограждение, крикнув по-английски и по-польски, что проходить следует небольшими группами.

— Первые десять, — скомандовал он.

Все с билетами наготове бросились наперегонки к входному павильону. Побежал и Максим. За Лерой, Мариной и её ушастым спутником.

— Быстрее, Макс! — кричала Лера, задыхаясь.

— Пи, пи, — запищал считыватель штрих-кода, проверяя билет у кого-то в руке.

Максим втиснулся в соседнюю с Лерой очередь. Лера ещё только предъявляла свой билет контролёру, а Максим

уже стремился к пункту досмотра. Там он попал в распоряжение сутулого парня в тонкой спецовке, говорившего очень быстро и неразборчиво:

— Открываем, открываем... Проходим...

Максим благополучно миновал контроль, а Лере снова не повезло. Рамка металлоискателя завывала и предательски замигала по краям, едва сквозь неё прошла девица, успевшая втиснуться в очередь на секунду раньше. Максим обернулся и понял, что Лера не бежит за ним. Она застряла на той стороне. Стояла там и тряслась, и, как безумная, оглядывалась, и жестами показывала:

Беги, беги!

Только без неё Максим бежать дальше не решился. Переаптываясь, он ждал.

Двадцать человек...

Пятьдесят...

Семьдесят пять...

Прошедшие досмотр спотыкались, кричали, размахивали руками. Ушастика окатили пивом. Маринку толкнули. Она с визгом полетела на бетон и с трудом поднялась, отряхивая колени.

У распахнутых настежь дверей в фан-зону завязалась драка. Лера тем временем ожидала, когда отпустят девушку с подозрительным содержимым карманов. Вот и её черед. На улице была пятой, внутри оказалась сотой... Они снова бегут вдвоём, держась за руки. Едва в стену не впечатались — грудастая девица подножку подставила... Но нет. Успели... К подиуму.

— Кто олдфаг, ваша цель — подиум! Ньюфаги — главная сцена! — вещал в мегафон распорядитель.

— Третий ряд! Третий! — задыхаясь сказала Лера Максиму. — И ладно.

Максим не ответил. Его тошнило от духоты и бесили визжавшие у главной сцены фанатки в розовых накидках.

— У них вместо головы шарик, а внутри хлопушка, — возмутился он. — Ты бы слышала, какой альбом «VND» выпустили! Гитары жужжат, рычат, шипят, скрипят, как гвозди по металлу! Я куплю тебе эту пластинку, обещаю... Только, прошу, забудь своего Пака!

— Макс, не начинай! — перебила его Лера и вынула из кармана телефон.

Пространство стадиона поражало. Три яруса зрительских трибун, ещё пустых, шли полукругом. Защищал их белый пластиковый навес. Солнце, проходя сквозь него, становилось мягким, молочным. А здесь, на арене, солнце было яростным и пекло в спину. Максим понял, что лучше и правда молчать сейчас. Нет, молчать он не мог. Когда она стоит рядом и даже не смотрит на него. Сгорбилась вот. И пальцами стучит по экрану... Что-то пишет. В заметках.

Максим легонько толкнул её.

— А... — отстранилась Лера. — Минутку...

Максим ждать не хотел.

— И концерта теперь никакого не надо, — с досадой проговорил он. — Смысл подниматься в такую рань, даже если из первого ряда до Пака не дотянуться. Смотри, какое расстояние до сцены. И охрана вряд ли позволит тебе передать письмо.

— Не изобретай сложностей, Макс, — Лера оторвала глаза от экрана и погладила Максима по руке. — Голо-

ден? — спросила она. — Потерпи. Маринка вернётся, и мы пойдём в бар.

Максим вместо голода ощущал мутную тошноту. Он хотел, чтобы изнурительный день закончился. Жажда увидеть Пака на сцене уже не была столь сильна, как на рассвете, когда Максим, ещё не успевший проснуться, нёсся по набережной Вислы вслед за резвой женой. И обстановка на стадионе напрягала. Визги и громкая музыка не прекращались. Славику и его отцу сейчас хорошо. Они, видимо, всё ещё гуляют где-то в городе и на концерт придут к началу. По их дорогушим vip-билетам полагается отдельный вход, фуршет и комфортные места на трибуне нижнего яруса.

А в фан-зоне продолжалась толкотня. Все стремились пробраться поближе к сцене. Парень в синей майке задел локтем и его, и Леру, хотел пролезть во второй ряд, но Лера среагировала быстро. Подставила подножку и заговорила по-английски:

— Эти места наши.

— Sorry, — донеслось неуверенное в ответ.

— Лера! — возмутился Максим.

— Что Лера! Куда, по-твоему, встанут Маринка и её спутник?

— Не успели войти, а кому-то уже понадобились носилки, — пожаловался Максим. — Лер, туда глянь. Что-то с девушкой. Дышит в ингалятор... Парень еле волочет её. Идём, поможем.

— Макс, стой на месте! Я же сказала. Не уходим, пока Маринка не вернётся.

— А справа вопят... Как думаешь, там Пак?

— Где Пак? — Лера взглядом обвела пустую сцену. — Что ты несёшь, Макс! Дымовую шашку взорвали!

Тут Максим посмотрел на свою жену и понял, что не узнаёт её. С самого утра она казалась ему чужой. Лера мечтала о мимолётной встрече с Паком, а Максим мечтал, чтобы она вернулась к нему. Спустилась по лесенке на землю с условной планеты «VictoryGA» и вновь окружила заботой и вниманием.

И Лера будто бы прочитала его мысли. Поспешно убрала телефон в карман куртки и обняла:

— Ты даже не представляешь, Макс, как будет круто и горячо, когда Пак выйдет. Маринка отзывы читала. Потерпи... И не дуйся.

— Пак порадует меня, если сыграет «Silence of Sound».

— Ну что ты такой унылый, Макс. Марина! — Лера, заметив Маринку, подняла руку, чтобы её подруга знала, куда идти.

— Цены адские, — возмутилась втиснувшаяся в их ряд Маринка. — Мы так, перекусили. Вы идёте?

— Чуть позже.

Лера стала болтать с Маринкой, а Максим посмотрел на часы. Без пятнадцати семь... Только...

На трибунах появились первые зрители. Изредка человек из технической команды поднимался на специальный помост возле подиума и садился, подогнув колени. Максим видел потное лицо, короткие шорты и рацию с наушником. Техник проверял провода, инструменты, шептал в динамики рации и спускался по приставной лестнице обратно.

Лера и Маринка делали совместное селфи и добивались, чтобы в кадр попадали и экраны, и бегущая по ним световая дорожка с просьбой поднимать руки, когда будет указано, и сцена с огромной, как целый оркестр, ударной установкой: со множеством барабанов, больших и маленьких, тарелок и микрофонов.

И тут Максим решил, что он уйдёт из этого зала, и подальше. Сейчас он был готов на что угодно, даже бросить Леру с её Паком. Он представил, как сбежит со стадиона в старый город. Как будет слоняться там в одиночестве по извилистым улочкам в поисках бродячего музыканта. Как одолжит у него расстроенную гитару и станет играть на ней для людей о людях.

— Я выйду, Лер, — сказал он.

— Проголодался? И мне хот-дог купи, — ответила она ему, удаляя из памяти телефона неудачные фотографии.

— И футболочки прихвати, Макс. Мы, когда выходили, очереди до рамок растянулась. — Мне — «М». Лерочке — «L». Ушастик — перебьётся.

— Ладно, — махнул рукой Максим.

В холле стадиона было намного свободнее. И дышалось полегче. В крытый павильон заходили с улицы не фанаты, а люди, просто любившие музыку Пака. И они никуда не спешили. Показывали контролёру билеты, выкладывали на столик ключи, мелочь и ждали, сколько требуется.

К таким людям и относил себя Максим. Он вздохнул и пошёл дальше.

В специальных киосках продавали футболки, диски,

магниты, кружки. На каждой вещи — лицо Пака. Даже на сувенирном стакане для пива. Максим пошатнулся, едва увидел эти глаза. Эти волнистые волосы. Эту ненавистную горбинку.

Девушка со скрученными в объёмный пучок волосами снимает рюкзак и натягивает через голову футболку с портретом Пака на спине. Максим пятится и бежит. Бежит, спотыкаясь и расталкивая идущих навстречу. У лифта на верхний ярус останавливается и пытается отдышаться. Поднимает голову и понимает, что круг замыкается. Снова киоск. Снова голограмма Пака. Только теперь в полный рост. Снова девушка, светловолосая и растрёпанная, примеряет майку, прыгает и верещит от радости, пока её смуглая подружка прячется в сторонке и пересчитывает купюры.

Максим подходит ближе, прикидывает, что имеющихся денег хватит и на еду, и на пиво, и на футболку для Леры. Нужно купить, он обещал.

Свет вспышивает ровно в девять. Лучом бежит по головам зрителей под нарастающий гул электрогитары.

Фанаты, уловив знакомые ритмы, подпрыгивают и визжат.

— Пак! Пак! Пак! — доносится со всех сторон.

Крики усиливаются. На сцене неизвестно как и откуда материализуется Паркер Джонс. У него короткие светлые волосы и чёрный, сверкающий стразами, пиджак. Очень медленно и неторопливо кумир идёт по дорожке, соединяющей сцену и подиум, и вдруг замирает. Тысячи рук тянутся к нему, пытаясь ухватить за лодыжки. Неудержимо ревёт

обезумевшая толпа, готовая стянуть его к себе в бушующую бездну.

— Начинаем! — говорит Пак и, покрасовавшись, возвращается на сцену.

Разноцветные огни вспыхивают у него над головой. Пак берёт акустическую гитару и наигрывает воркующее вступление какой-то песни из последнего альбома. Воркование Максиму ни о чём не говорит. Он ждёт «Silence of Sound» и проборматовывает заученные наизусть строчки, как молитву. В каждом сыгранном аккорде он пытается уловить родственное сходство с любимым хитом. Но нет, Пак-музыкант прячется за весёленькой аранжировкой пустоты. Всё это похоже на разноцветные шарики его фанатов в розоватых перьях. Вот они довольны и разницы между старыми и новыми альбомами не замечают. Прыгают, раскачиваются в такт, визжат. Бесятся и лезут друг на друга, когда видят Пака.

Кто-то бородатый и в панаме с трудом выбирается из людского месива. У него разбита губа и кровь на руках. Испуганный Максим приобнимает Леру, удерживая её возле себя. Но она всеми фибрами души стремится поближе к сверкающему на сцене кумиру.

— Макс! Пусти! — просит Лера, выпутываясь из его объятий. Но Максим держит её крепко, пока кто-то не наступит ему на ногу. От неожиданности он ослабляет хватку. Лера тут же вырывается и, расталкивая всех, пробивается в бурлящую гущу.

Она несётся по кругу вместе с сотней таких же беснующихся фанатов. Она то врывается грудью в спину здоро-

венного парня с мокрыми от пота волосами, то смеётся, запрокинув голову, то прыгает в обнимку с Маринкой, попадая каждым прыжком в свирепый ритм барабанов, то сама получает толчки в плечо. Отпихнув Леру с Мариной, трое татуированных влетают в круг и, пьяно шатаясь, начинают мутузить друг друга. Один падает, корчится на земле.

— Макс! Ты лучший!

Запыхавшаяся Лера, устав от прыжков и бега, падает Максиму в объятия. Только Максим не чувствует радости. Никакой. Особенно, когда Пак садится за синтезатор и наигрывает мотив главного сегодняшнего хита, основанный на долгих трезвонящих нотах. На экран выводят картинку крупным планом. Пальцы Пака судорожно бегают по липким клавишам. В кульминационный момент, когда гитары устремляются вверх, синтезатор вдруг умолкает, а Пак произносит:

— Is there anybody in there?

В фан-зоне кричат. Зрители на трибунах топают.

— I can't hear! Is there anybody in there? — повторяет Пак и закрывает глаза.

Теперь топают и в фан-зоне, а на трибунах пускают волну. Начинают справа и так по рядам. По кругу. Поднимают руки. Встают. Опускают руки. Садятся. Поднимают руки. Встают. Опускают руки. Садятся.

— Loudly! — Пак ставит руку на клавиши...

Теперь топают и кричат абсолютно все, в один голос. Техник приносит Паку гитару. Но Пак не берёт инструмент. В одном прыжке он пролетает до подиума и падает на колени. Зловещая партия соло-гитариста вступает в диалог с его мягким и простодушным вокалом.

Лера вопит. Подпрыгивает. Пак направляет микрофон в зал. Откуда-то справа доносится сначала «вау», а после восторженный свист.

Максим не выдержал, увёл Леру к будке звукорежиссёра, где можно было стоять, а не тереться о чужие тела. Она обняла его, такого надёжного и горячего, и зашептала на ухо, что он подарил ей лучший вечер на свете.

— Не он, Пак. А ты, Макс. Мой Макс.

Откуда-то потянуло сухим варшавским воздухом. Захотелось тишины... Нет, когда Пак на сцене, тишины быть не может. Как и спокойствия. Застоя. Только подумашь об одиночестве, о поцелуе...

В толпе мелькнула Маринка. Лера вывернулась и побежала к своей подружке и своему развесёлому кумиру.

Только Пак веселье изображает. Все сегодняшние песни — на какой-то тёмной подкладке. И почти все мелодии «VictoryGA» на ритмичные биты не ложатся совсем, или ложатся плохо. В прошлом и в настоящем. И ноги не пускаются в пляс. Поднимать руки и прыгать тоже не хочется. Хотя лица у всех в фан-зоне потные, глаза затянuty пеленой, и многие, самые активные и преданные, скучиваются в толпу и напирают на ограждение, тянутся к кумиру. А Пак высоко-высоко. Над ними. И на его голову падают звёзды из фольги. И тогда — будто бы замедленная съёмка. Лера выхватывает звёздочки, сердечки и ленточки из подсвеченного красным воздуха, запихивает затоптанную бумагу в правый карман джинсов и вдруг теряет своё письмо. На бледный конверт тут же наступает чей-то каблук.

Над стадионом вспыхивает фейерверк. Фанаты в экстазе или орут, или тянут распевку:

— «О-Оа-а, О-Оа-а, О-Оа-а».

А у Максима звенит в ушах. Несуществующая тень Пака отделяется от Пака танцующего, от Пака реального. Тень Пака присаживается на краешек подиума и поглядывает на телесную копию заплаканно, с сожалением. Максим видит второго Пака, и ему жаль его. Именно этого Пака боготворила Лера, писала ему и хотела, чтобы её муж был таким же. Таким же.

Максим улучил момент и бросился к затоптанному конверту. Сгрёб с пластика и засмотрелся и на кодовое слово «**dream**», и на голубые слёзки, и на красные сердечки, и на отпечатки чужих подошв на столь дорогой для Леры бумаге.

А Лера прыгала, Лера танцевала. Вдруг бросилась толкаться в более опасный круг. Внутри этого круга фанаты, не стесняясь, колотили друг друга. Леру задели по носу, но она не скорчилась от боли. Лера вытянула руки, видимо, хотела затащить к себе и его, Макса, только Максим отстранился. Не мог отвести взгляда от конверта. В синем луче прожектора он казался серым, неоновым. Максим, не раздумывая, стряхнул приставшую к письму грязь и спрятал его в кармане куртки.

Как же хорошо им было после концерта. У Маринки кровоточила коленка после падения, у Леры вспухла ссадина на скуле. И к выходам не пробраться. Никто не спешил. Многие пели, а они... Они упали на пол и закопались в бумажные ленточки, звёздочки и думали каждый о своём.

Звезда Паркера Джонса осветила их, признал Максим. Был вынужден признать, когда услышал «I'am trying...», хит со второго альбома «VictoryGA».

Лёжа навзничь, Максим смотрел на варшавское небо, где из-за электрической подсветки не было ни одной звезды. Белый навес простирался будто крыло. Максим взял Леру за руку и ощутил исходящее от её пальцев тепло.

— Тебе что, музыка Пака разонравилась? — спросила она уже в номере отеля. — Весь концерт стоял столбом.

Шумела за окном ночная Варшава. Там, на тёмных улицах старого города, гуляли бессонные счастливики. Они сбивались в компании и распевали хиты Пака.

— Не желаю прыгать и скакать, подобно Паку, или звездить с фанатами, — ответил Максим, откинув одеяло на кровати. — Но в технике у него есть чему поучиться. Жаль, играют мало старых вещей. Вернее, почти не играют. Из первых двух альбомов три песни! И то хиты. А о «Silence of Sound» будто забыли. Как можно было не сыграть «Silence of Sound»?

— Эта песня мрачная и тяжёлая. Бе-е-е, — протянула Лера. — Веселье, слэм, мош... Петарды... Хлопушки! Незабываемый вечер!

— Да понял я уже. Ты передала письмо?

Лера взяла со стула свои джинсы и ощупала карманы. Внутри было всё: и согнутые пополам сердечки, и мятые звёзды, и крылья бумажных бабочек.

А письма для Пака не было.

— Потеряла, — сказала Лера упавшим голосом, бросила джинсы обратно на стул и нехотя забралась в постель. —

Надеюсь, охранники найдут конверт, передадут Паку и он узнает то, что я хотела сказать.

Максим не ответил. Промолчал. Просто лег рядом и обнял её.

— Что было в том варшавском письме? — спросил Максим, едва Славик показал всем пришедшие на почту электронные билеты.

Лицо Леры стало белым как мел. Она подошла к нему. И заглянула прямо в глаза.

— Я уже плохо помню, — явно соврала Лера. — Я напишу новое, слышишь, встречу с Паком и лично отдам в руки. И ты не отговоришь меня!

Лера схватила сумку и выбежала из репетиционной. Максим взглядом указал друзьям на инструменты. Музыка спасёт от дум. Не дребедень от Пака, а его собственная музыкальная мысль.

— Лерочка, проходи, проходи!

Маринка за руку втащила Леру в тесный зальчик со стенами из необожжённого кирпича и прикрыла за ней дверь. В этой кофейне Маринка работала администратором, и потому маленькая комнатка, украшенная в честь кумира, была в полном распоряжении фан-сообщества.

Все стены покрывали плакаты с Паком. На полу были рассыпаны бумажные звёздочки, вырезанные из цветной бумаги, вперемешку с сердечками. На полках размести-

лись фотографии в позолоченных рамках с концерта в Варшаве. По диванам были разбросаны новенькие сувенирные подушки. Лера выбрала чёрную, с аппликацией жёлтого парашюта, того самого, с обложки первого диска «VictoryGA».

— Вот, недавно на «Store» заказала, моя любимая эта, — Маринка прижала к груди мягкий валик с зелёной бабочкой.

— Лучший альбом — четвёртый? — Лера повесила сумку на крючок и заняла единственное свободное место в обнимку с жёлтым парашютом.

— Не всем по вкусу пришёлся первый, как тебе, Лерочка... Ты вот с Ириной скооперируйся, она такие же, как ты, хотела. Точно знаю. Доставка в два раза дешевле обойдётся. Только Ирина опаздывает. Как всегда.

Лера тратить деньги по пустякам не планировала. Она копила на одну редкую кассету «VictoryGA». Британский критик писал об этой демке в релизе: *«Гитара Джонса звучит грязно, гаражно, но как! Минутное вступление на акустике, и сквозь темноту на свет прорывается умиротворённый голос певца и околдовывает».*

На сайте группы продавали диски в любых обложках и форматах — японское издание с бонусами, британское с би-сайдами, американское с ремиксами. А демо-кассету, о которой мечтала Лера, надо было ловить на e-bay за немалые деньги.

— Лер, чего смурная? Где же радость и счастье от Валерии Осиповой?

Маринка сунула Лере под нос крошечную шоколадку, которую получила вместе со своим кофе. Лера положила шоколадку за щёку и потянулась к салфетнице, повертела пластмассовую штуквину и увидела на ней приклеенную скотчем картонку с названием главного хита Пака — «I'm trying...». Маринка в восторг приходила от распевки после припева, Лера тоже. Да и все в активе фан-сообщества были к этой песне неравнодушны.

На встречу в кофейне пришли все, кроме вечно занятого Собирателя новостей и Ирины. Лера редко встречала сидящих за столиками людей в реале, чаще всего она общалась с каждым в Сети, а вместо лиц привыкла видеть аватарки.

Зазывала вообще склеил себя и Пака. Пак высокий, смуглый, глаза горят. Зазывала ниже, не такой загорелый, и стоит, держа кумира под локоток.

Зазывала в онлайнe постил фотографии с концертов «VictoryGA», а в обычной жизни трудился на должности топ-менеджера в строительной компании.

— Угощение, угощение, — пропел он голосом Пака, предлагая всем разноцветные миндальные печеньки, лежавшие на общем блюде.

— Лер, я тебе кофе заказала, — радостно воскликнула сияющая Маринка.

Лера кофе не любила, но ей нравилось снимать ложкой густую молочную пенку.

— Ого! — восхитилась Поющая, вторая активистка, забирая с блюда горсть печенья. Платья для встреч в кофейне Поющая подбирала в тон помаде. Сегодня её оттенок — ярко-бордовый.

В группе Поющая отвечала за составление плей-листов и рецензирование музыкальных новинок, а в реальности пела на караоке-вечеринках и много путешествовала.

— Радость! Радость! — вдруг воскликнула Доночка Жана, вскакивая со стула. Она подняла хлопушку, дёрнула за нитку, и цветные ленточки посыпались на её окрашенные в платиновый цвет волосы. Во время прямых онлайн-трансляций концертов «VictoryGA» эта няшная девочка отвечала за непрерывный поток комментариев, а в обыденной жизни училась на филфаке.

Лера подумала и удивилась: тоже семья. Третья по значимости. Макс, дети, мама. Потом Пак... Теперь и они, актив.

По сигналу Доночки Жаны все собравшиеся сорвались с мест. Они пели и прыгали, как дети. Поднимали с пола бумажные звёздочки и бросали их в воздух. И радость активистов буквально наполнила кирпичный закуток до потолка. Маринка сбила с ног Поющую. Обе засмеялись. Зазывала сдёрнул с шеи дорогой галстук, запачканный кофе, и надел его на разгорячённую Доночку Жану, а та ничего не сказала в ответ — просто обняла.

— Лерочка! Ау?

— Что?

— Как что? — надула губы Маринка... — Пак приедет в Москву! Пак! А тебя нет с нами. Нет!

Лера не могла со всеми танцевать и веселиться. Двумя часами ранее Максим обозвал Пака конченным придурком и спросил о письмах. Или... Какую он там характеристику прицепил Паку? Нет... Лера напряглась и не смогла вспомнить, но она помнила, как муж смотрел на неё. Максим

даже репетировать не мог. Всё ходил по сцене и тёр свой подбородок.

— Что тут у вас? — чужой голос ворвался в душный закуток кофейни и вывел и Леру, и остальных из виртуального блаженства. — Я прикрываю тебя, Марин, но всему есть предел!

— Знаю, — успокоила Маринка мужчину в форме охранника, покрасневшего от злости. — Ещё час, и мои друзья уйдут. Обещаю. Клянусь...

Тут Марина бесцеремонно вытолкнула мужчину обратно в коридор и закрыла за ним дверь. Коротко стриженная брюнетка одобрительно кивнула. На шёлковом вороте её белой блузки болтался бледно-зелёный бейдж с именем и фамилией, но брюнетка предпочитала, чтобы её называли Улыбкой Счастья, ником в Сети.

В стеклянной башне-высотке Улыбка Счастья работала ведущим инженером проектного отдела и была серой мышью без семьи и друзей. В сообществе Маринки эта девушка расцветала.

— Всем счастья! — обычно говорила она и хлопала в ладоши.

Разгорячённая от прыжков и танцев, Маринка рухнула на стул рядом с Лерой, схватила со стола плохо заточенный карандаш и заявила:

— Особенный, неземной прилив радости, как в свежем треке Пака. Все слышали? Будто из пушек воздушные шары выпускают и будто внутри головы хлопушки взрываются.

Лера понимала Маринкины ощущения. Наверное, дни Пака наполнены счастьем, звёздами и радостью, как в его

последних песнях. Пак танцует и поёт для друзей, и он — душа компании. Его белоснежный особняк в два этажа полон гостей, и гости восхищаются Паком — любимцем публики, молодым Паком — шатеном. Они знают о кумире что-то недоступное, таким как Лера. Знают, где у него спальня, где балкон или какого цвета обивка мебели в гостиной, из какой ткани шторы и что Пак готовит на кухне, умеет ли он жарить мясо и растапливать камин... И прочее... Прочее...

Лера могла бесконечно любоваться кумиром в его сказочно-игрушечной жизни. Каждый вечер она заходила в специальное приложение, и палец сам тянулся к закладке «недавнее». Тот же белоснежный особняк. Паркер Джонс стоит на каменных ступеньках. На нём широченные штаны. На голове вытянутая шапка, похожая на чулок. Пак смотрит куда-то вдаль. На лужайку. И лужайка в жизни кумира залита солнцем, и трава зелёная-зелёная. Свежая.

А бывало, что фотографии в приложении меркли, и Лера переносилась в мир своего воображения. В мрачном средневековом замке Пак-шут перекатывался на руках колесом, смеялся, и бубенчики на тряпичной шапочке звенели. А она, Лера, стояла на галерее со смычком. На худом плече покоился инструмент, подобный скрипке. И смычок от каждого прикосновения к сияющим струнам пел и осыпал небесными звуками людей в большом зале под каменными сводами.

А ещё Лера видела Пака по ночам. Во сне. Утром она мало что помнила, разве только размытые силуэты и припущенную штору на окне. Почти всегда занавеска колыбалась на странном сквозняке.

— Эй, Лерочка! Ты с нами?

От голоса Марины Лера очнулась.

— С вами. Вот бы увидеть Пака воочию, — вздохнула она. — Слушай, Марин, а meet в Москве планируется?

— Билеты плохо разобрали на старте. Скорее, ближе к событию организаторы проведут розыгрыш в нашей группе. Ну, репост на страницу. Может, в качестве приза meet и будет. Ну если Пак пожелает. Наш Паркер стал нелюдим. Уже лет пять как.

— Откуда знаешь? — Лера вцепилась Маринке в руку, а та с удивлением моргнула и раскрыла блокнот.

— Ну, имеется один агент, не здесь, там, за бугром. В Варшаве в очереди обменялись контактами. Свеженький его зовут. Ни одного концерта «VictoryGA» не пропустил!

— Богач?

— Самолёты, особняки, выставки и с Паком в обнимку за кулисами, не липа, как у Зазывалы на стене.

— И на московский концерт Свеженький приедет?

— А то... Слушайте все! — Марина стукнула кулаком по столу, и в закутке воцарилась тишина. — Предлагаю во время концерта Пака подиум шариками закидать, или цветами, а на табличках написать слова из «I'm trying...» и встать так, чтобы получился куплет, припев, куплет.

— А какие цветы купим Паку? — спросила Поющая.

— Нарциссы! — предложила Доночка Жана.

— Георгины! — Зазывала продемонстрировал на экране айфона пышный цветок ярко-алого цвета.

— Незабудки! — высказала своё мнение Улыбка Счастья.

— Хризантемы, — не слушая никого, стала записывать Марина в графу «цветы».

— Постой, Марин! Всё не то, — забеспокоилась Лера.

— Bravo, Лерочка! — Маринка недовольно бросила карандаш. В графе она успела написать только «хриз...». — Оказывается, ты слушала!

— Представляешь, слушала. Нарциссы — символ победы валлийцев над англосаксами, георгины — символ неразделённых чувств. Хризантемами, цветами скорби и печали, закидали тут у нас одного земляка Пака, Макс рассказывал. Но артист цветам не обрадовался.

Маринка прикусила губу. Зазывала перестал улыбаться. Даже в глазах Улыбки Счастья Лера не заметила прежнего огонька, а Поющая демонстративно вынула из сумки круглое зеркальце, помаду и принялась подкрашивать губы.

— Какие же цветы предлагаешь купить ты, мисс всезнайка? — поинтересовалась Маринка. — Думала, муж у тебя выскочка. Считает себя лучше Пака. Надо же, и к тебе дурость прилипла.

— Марин...

— Не Марин, а предложение. Мы слушаем. Внимательно.

Зазывала смотрел на Леру недоверчиво, Доночка Жана с подозрением, а Лера боялась озвучить свою мысль. Она всё ещё обнимала подушку с жёлтым парашютом. В нетронутой кофейной чашке молочная пенка осела, а кофе давно остыл...

— Розы, — тихо произнесла Лера. — Паку следует дарить розы.

— Банально, — засмеялась Марина и схватила карандаш. — Розами московские помойки переполнены. Всем надоели уже.

— Розы — национальный символ его страны, — стала защищаться Лера. — Розы — олицетворение страсти и любви. Мы Пака любим, а не скорбим о нём.

— Я в символы не верю, Лерочка, — хмыкнула Марина и дописала в графе «цветы» — «...антемы. Закупить сто штук».

— И я не верю, — поддержал Марину Зазывала. — На западе букеты рок-звездам дарить не принято. Решено, хризантемы. Их бросать проще, не поранишься.

— Ребята, без разницы, какие цветы, главное, чтобы Пак понял: мы не хуже европейцев умеем петь и веселиться. И чтобы пообещал нам вот прямо со сцены заехать в Москву в следующем туре.

— Да!..

Лера не расслышала, кто выкрикнул «да». Маринка... Зазывала... Поющая... Доночка Жана... Неважно... Активисты смеялись, проживали вторую жизнь в виртуальном сообществе, были на одной волне и пели песни Пака. Пак своей музыкой убаюкивал или радовал. Фортепианными балладами выбивал слезу, а в экстазе был способен превратить спичку в воздушный шарик.

Сейчас по телевизору в кофейне крутили клип «VictoryGA». Из динамиков не доносилось ни звука. Лера наизусть знала текст песни, но этого мало. Ей хотелось услышать голос. Мелодичный, чувственный. Она подумывала, как бы ей незаметно стащить со стола пульт и прибавить громкость. Голос Пака заглушил бы смех Маринки, заставил бы говорить тише Зазывалу и Доночку Жану.

Улыбка Счастья перестала бы раскидываться радостными репликами, от которых подташнивало.

Смелости не хватило. Другой голос зазвучал совсем рядом. Отголосками. Максим... Словно муж перенёлся из репетиционного зала ДК в кирпичный закуток кофейни и смеялся над Паком.

— Да, Зазывала, жёлтый парашют в памяти застрял навечно, что бы там рокеры ни писали в крутых журналах, — рассуждала Маринка. — Но только после четвёртого альбома частота в моём приёмнике всегда 95,2 или 103,7 вместо 106,2. Отстойные станции больше не слушаю. Сначала Пак, потом брит-поп и гранж, постпанк и новая волна, ню-метал и треш, психоделика и хард-рок.

— Маринка! Да ты крута! — Поющая докрасила губы и щёлкнула колпачком помады.

— Конечно! Я бы ещё с Паком выпила. Знаю, кто поможет ящик с водкой на площадку протащить. Главное, первый ряд занять. Лерочка, с тебя яблочный пирог, дорогая...

— Ну, в родной Москве мы хозяева. Иностранцев вперёд не пустим. С оргаи спишемся, договоримся, — сказал Зазывала. — Марин, скинешь контакты агентства в чат?

— Как узнаю, кто занимается привозом Пака, обязательно, — Маринка пометила в блокноте — *«найти орга...»*.

Дописать не получилось. Карандаш затупился совсем. Маринка бросилась искать в кармане запасной. Не нашла. Простую шариковую ручку Маринке одолжила Улыбка Счастья, а Лера вдруг улыбнулась. Она уже знала, кто ей поможет встретиться с Паком.

— Я держу поднос с бутылкой «Белуги» и серебряной стопкой. Зазывала, с тебя матрёшки и Хаги Ваги. Лерочка преподносит пирог. Поющая — ответственная за распевку.

— Здорово! Как раз серебристую помаду в *kiko* прикупила, а платье... До сентября вагон времени. В Милане подберу что-нибудь броское...

Тем временем Лера, уткнувшись в телефон, листала ленту в соцсети.

— Лерочка, да что с тобой? — окликнула её Маринка. — Ты вообще меня слышишь?

— Марин, прости, срочное дело! — Лера поспешно сорвалась с места, сняла с крючка сумку и понеслась прочь из кирпичного закутка, из кофейни.

Снаружи было дождливо, пахло прелыми листьями и дышалось легко. Прохлада освежала. Идея Леры была ясной, разумной и реальной. Больше часа Маринка и активисты обсуждали, как будут выслеживать Пака. А у Леры есть вариант, о котором никто не знает. Никто. Даже Максим.

Одноклассник... Олег... Вот кто поможет.

Лера дружила с Олегом в Сети и лайкала его фотографии на стене. Олег каждую неделю постил снимки с вечеринок. По пятницам он тусовался на коктейльных пати, по субботам — в клубе «Поднебесный». И Олег был владельцем успешного детективного агентства. Лера читала его интервью. Олег сидел за большущим столом и, улыбаясь, рассказывал, как легко он и его партнёр разоблачают неверных друзей и подруг.

Лера вздохнула.

Олег...

Олег поможет найти Пака. Лера снова вошла в мессенджер, нашла в контактах Олега и нажала на звонок.

IV

Всю дорогу от кофейни до бывшего завода, где Олег арендовал помещение под офис, Лера представляла, как будет умолять одноклассника: «Помоги выследить Пака, помоги, ты моя последняя надежда». И как Олег встретит на проходной, выслушает и не откажет, будет говорить: «Лерочка, я так рад, заходи, заходи. Пак? Паркер Джонс? Всё сделаю, не переживай, не волнуйся».

И неважно, что они не виделись с выпускного и что Олег до девятого класса забывал здороваться, если Лера проходила мимо него. И что за слёзы на уроках он подсыпал в яблочный сок слабительное и смеялся, если Лера тянула руку и отпрашивалась в туалет.

А Лера была влюблена в Олега. И даже событие одно произошло. Одна ночь. Но об этом лучше забыть.

Вдохнув, Лера толкнула плечом обшарпанную дверь и вошла в просторный холл, где пол был выложен протёртым кафелем и вдоль стен стояли стулья с низкими спинками, на которых никто не сидел.

И в душной проходной в разгар рабочего дня тоже никого не было. Совершенно безлюдно. Олег не спустился, не встретил. И куда идти дальше, Лера не знала.

Она повернулась к стене и увидела доску с объявлениями.

«Стильная стрижка за пятьсот рублей», — гласила над-

пись на самой большой бумажке.

«Тайский массаж и спа-услуги. Недорого», — значилось на втором.

«Хастл, постановка свадебного танца. Четвёртый этаж», — было написано на третьем.

Не найдя объявления нужного ей агентства, Лера подошла к стеклянной будочке вахты и постучала. Темноволосый мужчина с пунцовым от жары лицом отвлекся от развёрнутой газеты и приглушил громкость радиоприёмника.

Лера пригнулась к окошку и спросила:

— Как мне найти детектива Олега Ермошина?

Охранник, не торопясь, свернул газету и положил в лоток. С полки стащил толстую книгу в картонной обложке, полистал разлинованные страницы, дошёл до буквы «Е» и дежурным голосом произнёс:

— Пятый этаж, комната пятьсот шесть.

— Спасибо, — Лера улыбнулась.

— Только обед у них, — предупредил мужчина и снова извлёк газету из лотка. — У всех обед. Ещё сорок минут.

— Ничего, — Лера посмотрела на экран телефона. Двадцать минут третьего. А у неё три свободных часа, пока дети на занятиях в музыкальной школе. И она решила ждать Олега.

Окошко стеклянной будочки захлопнулось. Охранник закрылся газетными страницами и вернулся к чтению, а Лера завернула за угол и пошла по коридору, в конце которого стояло пальмовое дерево в пластмассовом горшке.

Кругом царила сырая тишина. Только кофейный автомат гудел. Возле него стояла высокая девушка, стильно при-

чёсанная и ярко покрашенная. Она сунула в щель купюру и стала давить на кнопку, но автомат упрямылся, хихикал, а кофе не давал.

Лера вызвала лифт. Едва раздвижные двери сомкнулись, а она нажала на цифру «пять», как единственная лампа замигала и погасла. И от железных содроганий кабины бросило в нервную дрожь, а после резкой остановки вообще показалось — всё, застряла.

Но нет, лифт открыл двери на пятом этаже. Лера выбежала из кабины в коридор и, следуя указателям на стене, свернула направо. Она шла мимо одинаковых обитых тёмным ламинатом дверей, на которых номера менялись в порядке возрастания. Пятьсот, пятьсот один, пятьсот два...

Лера искала офис с номером «пятьсот шесть».

«У Пака есть песня с таким названием».

Леру кольнуло. Песня, где нет припева и где замедленная струнная партия переходит в сверхбыстрое агрессивное соло гитариста, а Пак, под негромкие звуки фортепиано в самом конце, томным голосом просит ангела с небес услышать его.

«Это знак», — подумала Лера и ускорила шаг.

Пятьсот три, пятьсот четыре...

Пак... Призрак Пака соткался из воздуха и бледным пальцем указал на жёлтую ручку и на криво прибитые к двери офиса цифры — пять, ноль и шесть. Лере показалось, что ноль, скорее, на букву «О» похож, чем на цифру. Слишком широкий, округлый.

Постучать она забыла и нажала на ручку. Дверь поддалась и приоткрылась. Лера увидела сидящего на краешке стола

Олега. Мраморный бюст Пака будто бы ожил, получил тело, ноги, руки, оделся в скроенный по фигуре костюм, сбежал из ДК и устроился на работу в детективное агентство.

Те же волосы, кучерявые и модно зачёсанные, как у Пака. Те же глаза, только карие, такой же длинный нос, но без волнующей воображение горбинки, тот же длинный рост и мускулистые плечи. Казалось, что Олега, как и бюст Пака, изваяли из лучшего мрамора на свете. Настолько одноклассник был гладок и безупречен.

И вполне себе живой Пак-Олег жестикулировал, улыбался, сиял и весь был обращён к неподвижной спинке чёрного кресла. Кто сидел в нём, Лера не видела, но лицо Олега после каждой произнесённой им реплики таяло от нежности, во взгляде читалась чувственная сладость, а мягко звучащий голос был столь участливым, что Лера на минуту подумала, что Олега пришла проведать жена или возлюбленная.

Лера погрустнела, посчитав себя лишней. Уже собиралась тихонько попятиться и подождать в коридоре. Но тут увидела, что на высокий подлокотник чёрного кресла опустилась мужская рука, гладко выбритая, как у манекена.

— Ой! — прошептала Лера и поняла, что поцелуй Олега с молодым лейтенантом во время выпускного не был забавной шуткой.

Она попятилась и споткнулась. Но её никто не услышал. Олег так и не повернулся, а сидящий в кресле лениво смял конфетный фантик и бросил в чистейшую пепельницу.

— Да, да, — произнёс он. Приподнял два пальца с безупречным маникюром, и на полусогнутом мизинце блеснуло

золотое кольцо. — Только Европа, страну выберем, когда она официально подпишет отказ. Ты же звонил? Договаривался?

— Конечно. Представляешь, сама позвонила!

Собеседник Олега рассмеялся и сказал:

— Желание желанием, а реальность реальностью.

Лера сглотнула слюну.

— Она зайдёт сегодня.

— Ну, ну.

— Всё будет гуд, Костик.

Тут Костик повернулся в своём кресле к Лере и, весь такой ухоженный и холёный, замерцал под светом ламп. Тёмные волосы были выстрижены острыми прядками, а на высокий лоб падала длинная чёлка и лезла в янтарные глаза, выразительно подведённые чёрным карандашом.

А Олег говорил и говорил. И Костик, моргая длинными, накрашенными ресницами, слушал его, лениво вращался в кресле и не замечал стоявшую за дверями Леру.

Уставшая, обессиленная Лера засмотрелась на них, машинально переступила порог и прижалась к стеллажу, где стояли золотые и серебряные кубки, грамоты в деревянных рамочках и всякие затейливые безделушки. Вдруг от одного неловкого движения Леры керамическая статуэтка грохнулась на пол.

— О, ты уже тут? — спросил дёрнувшийся Олег и прищурился. — Проходи.

— Олежек, недолго только, мы клиента ждем, — напомнил Костик, покачивая красивую кожаную сандалию на кончике большого пальца. На узкой щиколотке блеснула золотая цепочка.

Лера неохотно подошла к столу и присела в ярко-жёлтое гостевое кресло напротив Костика.

— Про Ниро Вульфа читала? — самодовольно спросил Олег. — Там тоже кресла для посетителей жёлтые.

Лера поёжилась. Стало холодно. Невидимый Пак, её защитник, который беззвучной песней помогал справиться с волнением, куда-то пропал.

— Вот видишь, Костик, — с нежностью сказал Олег. — Я же говорил, шнеле всё будет. Вот и гуд. Зачем пожаловала? — обратился он к Лере.

— Я? — переспросила Лера, опешив от недоброжелательного тона.

— Ну не я же!

Олег переглянулся с Костиком, и Лера уловила в их взглядах подтекст. Эти двое будто бы мыслями обменялись. Олег кивнул, а Костик улыбнулся и по-особенному посмотрел на друга.

— Мне... мне помощь нужна... — невнятно пробормотала Лера.

— Помощь?

Олег с важностью занял хозяйское место за большим письменным столом. Взгляд Олега мазнул по Лере, и она спрятала под сумку обе руки. Олег свои не прятал. Упёрся локтями в подлокотники. Лера глаз не могла отвести от длинных пальцев, как у Пака, и пальцы барабанили по ярко-синей коже кресла в ритм песни с последнего диска «VictoryGA». На мизинце Олега поблёскивало кольцо, такое же, как у Костика.